

«Святые письма уставлены суть к нашему научению...» Древнейшие учебные пособия славян

Евгений НЕМИРОВСКИЙ, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, доктор исторических наук, профессор

После долгой диктатуры «воинствующего атеизма» Библия (Книга книг) вернулась наконец в российские школы как величайшее явление мировой культуры. С библейскими текстами школьники теперь знакомятся на уроках истории, литературы, мировой художественной культуры. Но все ли учителя этих учебных предметов хорошо знают первоисточник — текст Священной книги?

В публикуемом материале убедительно показана роль Псалтыри (книги в составе Библии) как первого для многих, прекрасного учебника — скольких россиян в прежние годы научила она не только грамоте, но и пониманию красоты вдохновенного слова!

Слова, вынесенные в название, принадлежат великому белорусскому просветителю Франциску Скорине (около 1486 – около 1540). Речь идёт о Библии и об отдельных её разделах.

О Библии знают все, но каждый ли держал её в руках? Издержки вульгарной антирелигиозной пропаганды привели к тому, что в нашей стране сменилось несколько поколений, которые не имеют даже малейшего представления о Библии. Положение начало меняться лишь в последнее десятилетие.

И всё же, когда мы приходим в Эрмитаж или в московский Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, то нередко с недоумением останавливаемся перед картинами великого голландского художника Рембрандта Харменса ван Рейна (1606–1669) «Жертвоприношение Авраама», «Давид и Урия», «Возвращение блудного сына», «Артаксеркс, Аман и Эсфирь», «Христос и самаритянка», «Неверие св. Фомы»... Сюжеты картин, имена, упомянутые в их названиях, ничего не говорят памяти и воображению не читавших Библию.

Библия, утверждал Франциск Скорина, который впервые у нас начал издавать библейские книги, — «младенцем и людям простым есть наука, учителем же и людям мудрым — подивление». Смысл этой фразы просветитель поясняет образным сравнением: «Яко река дивная мелка — по ней же агнец (т.е. ягнёнок. — *Е.Н.*) брести может, а глубока — слон убо плавати...».

Простая и мудрая, наивная и глубокая — такова Библия.

Библейская тематика пронизывает историю изобразительного искусства, историю литературы, историю музыки. «Давид» Микеланджело Буонаротти, «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, «Потерянный рай» и «Возвращённый рай» Джона Мильтона, «Мессиада» Фридриха Готлоба Клопштока, «Самсон и Далила» Камиля Сен-Санса, «Гавриилиада» Александра Сергеевича Пушкина, «Суламифь» Александра Ивановича Куприна, наконец, «Мастер и Маргарита» Михаила Афанасьевича Булгакова... Этот список можно продолжать до бесконечности.

Возникшая на Ближнем Востоке на землях, ставших колыбелью человеческой цивилизации, Библия вобрала в себя мечты, фантазию и исторический опыт многих народов. Книга эта принадлежит всему миру. И никто не может претендовать на монопольное право обладания ею.

История создания и распространения Библии богата и необозрима. Труды в этой области насчитываются сотнями — научные и популярные, рассчитанные на специалистов и на массового читателя.

Книги, входившие в Библию, издавна служили и для обучения грамоте, были первыми учебниками. В этом смысле особенно велика роль Псалтыри, о которой и рассказывается

ниже.

«Блажен муж, который на собрание нечестивых не ходил, и на пути грешных не стоял, и в обществе губителей не сидел, но в законе Господнем — воля его и закону Его он будет поучаться день и ночь». Этими словами открывается Псалтырь — едва ли не самая известная и самая почитаемая книга Ветхого завета. Возникшая примерно три тысячелетия назад, она и сегодня волнует читателей, восхищает образностью языка. Книгу эту повседневно читают в христианских храмах всех конфессий.

По Псалтыри и другой богослужебной книге — Часовнику — на Руси издавна учили детей грамоте. Этот обычай бытовал в крестьянских и купеческих семьях вплоть до начала XX столетия.

Вспоминая о том, как его учили читать, Максим Горький рассказывал: «...Дедушка, достав откуда-то новенькую книжку, громко шлепнул ею по ладони и бодро позвал меня:

— Ну-ка, ты, пермяк, солёны уши, поди сюда! Садись, скула калмыцкая. Видишь фигуру? Это — аз. Говори: Аз! Буки! Веди!

...Слова были знакомы, но славянские знаки не отвечали им: «земля» походила на червяка, «глаголь» — на сутулого Григория, «я» — на бабушку со мной...

Вскоре я уже читал по складам Псалтырь, — продолжает Горький, — обыкновенно этим занимались после вечернего чая, и каждый раз я должен был прочитать псалом.

— Буки-люди-аз-ла-бла; живете-иже-же-блажен; наш-ер-блажен, — выговаривал я, водя указкой по странице, и от скуки спрашивал:

— Блажен муж — это дядя Яков?»...

«Блажен муж иже не иде на совет нечестивых» — так звучат на церковнославянском языке начальные слова Псалтыри, которые мы привели выше в современном русском переводе. Псалтырь, один из разделов Священного Писания, — это собрание древнееврейских гимнов, хвалебных и благодарственных песен, обращённых к Богу. Иудейская и христианская традиции приписывали большинство из них царю Давиду, правителю древнего Израильского государства, жившему около 1042–979 гг. до Рождества Христова. Христианская церковь считает Давида пророком, который, например, в 21-м псалме предрёк пришествие Христа и его мученическую кончину на кресте. Начальные слова этого псалма «Или, Или! Лама савахфани?», что по-русски значит «Боже, Боже мой, внемли мне! Для чего Ты оставил меня?», как рассказывает Евангелие от Матфея, Иисус произнёс во время своих крестных страданий. Само же пророчество Давида звучит так: «Окружило меня множество псов, скопище злых обступило меня, они пронзили руки мои и ноги мои. Сосчитали все кости мои, а сами смотрели презрительно на меня. Разделили ризы мои себе и об одежде моей метали жребий». По рассказу евангелистов всё так и было во время Распятия.

Есть любопытный апокриф, который называется «Сказание о Псалтыри, како написася Давидом царём». Апокриф этот похож на русские волшебные сказки. В нём рассказывается о том, что в то время, как царь сочинял псалмы, в соседнем с дворцом болоте расквакались жабы. Давиду это мешало, и он велел уничтожить квакающих. Когда же он подошёл к столу, то увидел большую жабу, сидящую на свитке, в котором он записывал свои гимны. Жаба сказала человеческим голосом:

— Не дам тебе хвалить Бога, ибо ты не даёшь нам хвалить его нашим кваканьем!

Так повторялось три раза. Кончилось тем, что Давид перестал преследовать жаб, сказав:

— Всякое дыхание да хвалит Господа!

Эти слова впоследствии вошли в Псалтырь.

Язык Псалтыри живой и образный. Это чувствуется даже в русской Псалтыри после многократных переводов и исправлений. Например: «Горы прыгали, как овцы, и холмы, как ягнята у овец» (псалом 113). В этих словах — воспоминание о когда-то пережитом автором землетрясении.

Современные учёные считают, что Псалтырь — произведение коллективное, над её созданием трудились несколько древних поэтов-гимнологов. Некоторые псалмы опреде-

лѣнно написаны много позднее Давида. Иные помечены именами других псалмопевцев. С давних, ещё дохристианских, времён псалмы использовали в литургической практике, во время богослужения. Псалмы читают ежедневно на утренней и вечерней службах в определённом порядке. Порядок исполнения псалмов в храмах с течением времени менялся. Варьировалась и группировка гимнов для их чтения на протяжении недели.

Кроме церкви, псалмы читали и во время так называемого частного богослужения: при крещении, свершая свадебный обряд, вознося молитвы над покойником... Известно и внелитургическое использование Псалтыри. По ней, например, гадали. Всё это способствовало тому, что Псалтырь была, пожалуй, самой популярной книгой среди всех книг Ветхого завета. Её многократно переписывали, а с появлением книгопечатания — воспроизводили типографским способом.

Переводческая история Псалтыри совпадает с ветхозаветной. На греческий язык этот сборник гимнов и торжественных песнопений был переведён 70 переводчиками-«толковниками» в III веке до Рождества Христова. А на латинский язык — монахом Иеронимом в V веке после Рождества Христова. Псалтырь включали в полные списки Священного писания. Но издавна эту книгу переписывали и переплетали и отдельно. При этом такие списки старались как можно лучше украсить — как иллюстрациями, так и орнаментикой. Иллюстрировалась Псалтырь изображениями царя Давида, представленного с музыкальным инструментом как песнопевца. С VIII в. в католической Псалтыри помещали изображение Христа, с X в. — изображение Распятия. Украшали эти книги и миниатюрами, трактующими различные ветхозаветные и новозаветные сюжеты.

Прекрасный список греческой Псалтыри IX века, украшенный многочисленными миниатюрами, был привезён в Россию в 1847 г. известным славистом Виктором Ивановичем Григоровичем (1815–1876), замечательное собрание рукописей которого находится в Российской государственной библиотеке. Но греческой Псалтыри среди них нет. Она попала в коллекцию Алексея Ивановича Хлудова (1818–1882), поступившую в Государственный исторический музей. Здесь эта замечательная книга хранится и сегодня. По имени собирателя её называют хлудовской Псалтырью. В 1977 г. миниатюры рукописи были изданы факсимильно.

Сохранилось немало рукописных латинских Псалтырей, являющих замечательные образцы художественного оформления книги.

Считается, что на славянский язык Псалтырь была переведена великими славянскими просветителями Кириллом (около 827–869) и его братом Мефодием (815–885). Древнее «Житие Мефодия» сообщает, что он «Псалтырь и Евангелие с Апостолом и избранными службами церковными перевёл сначала с Философом» (т.е. с Кириллом). Древнейший славянский перевод не сохранился. Но его можно реконструировать, используя старейшие списки Псалтыри. Наиболее близка к нему написанная, по-видимому, в XI в. глаголическим письмом синайская Псалтырь, найденная известным археографом архимандритом Порфирием, а в миру Константином Александровичем Успенским (1804–1885) в монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове. Рукопись эту сейчас можно изучать по превосходному факсимильному изданию, которое подготовил и в 1971 г. выпустил в свет в столице Македонии Скопье израильский славист Моше Альтбауер.

К XI столетию относятся и древнейшие списки Псалтыри, воспроизведённые кирилловским письмом, — Евгеньевская, Слуцкая, Бычковская и Чудовская Псалтыри, сохранившиеся лишь во фрагментах. Евгеньевская Псалтырь, названная так по имени митрополита Евгения — Евфимия Алексеевича Болховитинова (1767–1837), который нашёл 20 пергаменных листов из этой рукописи в новгородском Юрьевом монастыре, принадлежит к числу так называемых толковых Псалтырей, в которых канонический текст сопровождается комментариями. В славянской книжности известны толкования Афанасия Александрийского, Феодорита Киррского и других церковных писателей.

Наиболее известная Псалтырь XIII столетия — болонская, написанная в македонском городе Охриде между 1230-м и 1241 гг. Этот прославленный памятник староболгарской

книжной культуры был факсимильно (но в чёрно-белом исполнении) издан в 1968 г. в Софии. Подготовил это издание и снабдил его развёрнутыми комментариями известный болгарский историк Иван Дуйчев.

Прекрасными памятниками славянской книжной культуры стали так называемые лицевые Псалтыри, украшенные миниатюрами. Один из ранних примеров — симоновская Псалтырь, со 119 миниатюрами, девять из которых занимают целые листы, а остальные размещены на полях. Это также учебная Псалтырь, содержащая псалмы и 10 «Моисеевых песен». Иллюстрации делали текст более наглядным, что усиливало учебный эффект. Можно сказать, что именно Псалтыри были первыми иллюстрированными учебниками. Названа симоновская Псалтырь по имени монаха Юрьева монастыря, страстного книжника, которому принадлежали и другие дошедшие до наших дней рукописи.

Другая лицевая Псалтырь — киевская Псалтырь, написанная в 1397 г. в Киеве московским каллиграфом протодиаконом Спиридоном. Факсимильное издание этой прекрасной книги выпущено в 1978 г. Герольдом Ивановичем Вздорновым. На полях рукописи, которая хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, великое множество превосходно исполненных миниатюр.

Печатная история Псалтыри началась в середине XV века, когда текст её вошёл в состав прославленной 42-строчной Библии, напечатанной около 1455 г. изобретателем книгопечатания Иоганном Гутенбергом, 600-летие со дня рождения которого отмечалось в 2000 году. Несколько лет спустя появилось и отдельное издание. 15 августа 1457 г. в Майнце вышла в свет роскошная крупноформатная Псалтырь, в колофоне которой названы имена Иоганна Фуста и Петера Шеффера. Именно здесь впервые в печатном издании были указаны имена людей, его напечатавших. И недвусмысленно обозначена дата, когда это издание вышло в свет. В Псалтыри 1457 г. вообще много нововведений, среди которых первый опыт трёхкрасочной печати, первая воспроизведённая типографским способом орнамента, первая издательская марка.

Первое печатное издание славянской Псалтыри вышло в свет 22 сентября 1495 года в столице Черногории Цетинье. Кроме обычных для этой книги текстов, она содержит и ряд других, например, Пасхалию — таблицы, позволяющие определить, на какой день в том или ином году приходится праздник Пасхи. Печатал цетиньскую Псалтырь иеромонах Макарий, весьма искусный типограф, учившийся книгопечатному ремеслу в Венеции.

А первую учебную Псалтырь выпустил 6 августа 1517 г. в Праге уже известный нам Франциск Скорина. В общем предисловии к подготовленным им отдельным изданиям ветхозаветных книг Библии Скорина специально подчеркнул учебный характер Псалтыри. «Хощеши ли умети граматику или, по рускы говорячи, грамоту, еже добре чести (т.е. читать) и мовити (т.е. говорить) учит, — писал он, — знайдеши в зуполной Библии Псалтыру, чти её».

В предисловии к Псалтыри 1517 года высказана важная мысль о возможности и необходимости использования в педагогических целях любой книги, всякого «писания»: «Всяко писание Богом водъхненное полезно есть ко учению и ко обличению, исправлению и ко наказанию правды».

Много лет спустя, в 1570 году, в предисловии к напечатанной в белорусском городе Заблудове Псалтыри эти слова почти дословно повторит русский первопечатник Иван Фёдоров: «Всяко писание богодуховенно и полезно».

По мнению Франциска Скорины, высказанному в предисловии к пражской Псалтыри, «святые письма уставлены суть к нашему навчению, исправлению духовному и телесному, различными обычаи». И здесь педагогическая цель выдвинута на первое место. Говоря о «научении», Скорина понимает это слово достаточно широко — не в смысле освоения начатков грамоты, а в смысле воспитания и совершенствования человека, что в конечном счёте для него самое главное. Но и сугубо прикладное учебное значение Псалтыри для белорусского просветителя очень важно. В предисловии к пражскому изданию 1517 г. он аттестует Псалтырь как «детем малым початок всякое доброе науки».

Франциск Скорина полагал, что Псалтырь важна и для эстетического воспитания молодого человека. Характеризуя эту книгу, современный белорусский философ Семён Александрович Подокшин пишет: «Псалтырь является одной из книг Ветхого завета. Её название происходит от щипкового музыкального инструмента типа лиры, арфы или гуслей. Псалтырь — сборник поэтических произведений, предназначенных для вокального исполнения».

Нет предела для форм эстетического познания окружающей человека действительности! «Там есть справедливость, — утверждает Скорина, — там есть чистота, душевная и телесная. Там есть наука всякое правды. Там мудрость и разум досконалый. Там есть милость и друголюбство без лести и вси иншии добрые нравы якобы со источника оттоле походить».

Особенно подчёркивается в предисловии скорининской Псалтыри важность морального воздействия эстетического воспитания: «Песнь...вкупе тело пением веселить, а душу учить». Исследователи справедливо видят здесь переключку со словами прославленного древнегреческого учёного Аристотеля (384–322 до Рождества Христова): «Музыка способна оказывать известное воздействие на этическую сторону души». Скорине были известны труды Аристотеля, которого он называл «старейшиной философов».

Учебный характер имеют и так называемые глоссы, которыми Франциск Скорина снабдил пражское издание Псалтыри 1517 г. Это толкования, а иногда и перевод иностранных и непонятных читателю слов. Приведём примеры некоторых толкований: «онагри — лоси», «скнипы — площади», «юг — ветер полуденный», «горлица — сивоворонка».

Пражская Псалтырь Франциска Скорины — очень редкое издание; до наших дней дошло всего два экземпляра книги. Первый из них был отыскан московским библиофилом Алексеем Ивановичем Хлудовым на одном из книжных развалов Нижегородской ярмарки. Описал книгу и ввел её в научный оборот основатель и первый хранитель отделения рукописей Московского Публичного и Румянцевского музеев Алексей Егорович Викторов (1827–1883). Его статья о скорининской Псалтыри, опубликованная в 1867 г., называлась «Замечательное открытие в древнерусском книжном мире».

В XVIII веке этот экземпляр принадлежал крестьянину Пошехонского уезда Ухтомской волости Логину Матвееву, который оставил запись на обороте последнего листа книги. Пошехонье — это небольшой городок на Волге, неподалеку от Рыбинска. Ныне книга находится в Государственном историческом музее в Москве. Судьба книги лишней раз свидетельствует, что грамотность на Руси в крестьянской среде в XVIII в. была распространена значительно шире, чем это обычно считается.

Второй экземпляр пражской Псалтыри был в 1904 году приобретён петербургской Императорской Публичной библиотекой, но где и у кого — неизвестно. Именно в этом экземпляре сохранился титульный лист с небольшой гравюрой, изображающей царя Давида. Ныне эта книга хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

В Москве учебная Псалтырь впервые была выпущена около 1559-го и около 1565 гг. так называемой анонимной типографией, на изданиях которой не указаны ни место, ни время выхода в свет. Первое из этих очень редких изданий учёные по характеру шрифта называют среднешрифтным, а второе — широкошрифтным.

Иван Фёдоров издавал Псалтырь трижды. В 1570 г. он выпустил Псалтырь с Часословцем в Заблудове. В 1580 г. Иван Фёдоров в украинском городе Остроге напечатал Псалтырь и Новый завет в одной книге. А в 1581 г. появилась знаменитая острожская Библия, первая полная печатная славянская Библия, в составе которой, конечно, была и Псалтырь.

После того как Иван Фёдоров и Петр Тимофеев Мстиславец примерно в 1566 г. покинули Москву, Псалтырь в 1568 году напечатали их ученики Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев. Это издание повторил в 1577 г. Андроник Тимофеев Невежа в Александровской слободе, куда перенёс свою резиденцию царь Иван Васильевич Грозный. Таким образом, Псалтырь стала и первым русским провинциальным изданием.

В дальнейшем Псалтырь издавалась очень часто, значительно чаще, чем другие богослужебные книги. Повлияло на это, конечно, то, что по Псалтыри учились грамоте. Ведь и сегодня наибольшими тиражами издаются именно учебники. В XVII столетии в одной лишь Москве вышло 44 издания Псалтыри.

Псалтырь — произведение поэтическое, это книга песен. При переводе эта особенность оригинала, к сожалению, была утрачена. Упущение решил восполнить известный литератор и общественный деятель Симеон Полоцкий (1629–1680). Его «рифмотворная» Псалтырь увидела свет в Москве в 1680 г. Открывалась она гравированным на меди портретом царя Давида, исполненным Афанасием Трухменским по рисунку прославленного живописца Симона Ушакова. Симеон Полоцкий был и автором Букварей, вписавших немало славных страниц в историю русского учебника.

Особый вопрос — перевод Псалтыри на современный русский язык. Первым таким отдельно изданным переводом стал тот, который был выполнен известным археографом, епископом Порфирием, а в миру Константином Александровичем Успенским (1804–1885). В основу перевода легла греческая рукописная Псалтырь 862 г. В свет этот труд вышел уже после смерти Порфирия — в 1893 г. Современники упрекали епископа, что он, работая над текстом, не принимал во внимание канонические славянские переводы и что в его книге «очень много слов, коряблящих русское ухо и неуместных в Псалтыри». Недостатки эти взялся исправить профессор Казанской духовной академии, доктор богословия Павел Александрович Юнгеров (1856–?), который положил в основу своего труда различные печатные издания греческой Псалтыри, которые он корректировал по славянским переводам. Перевод П.А. Юнгера вышел в свет в Казани в 1915 г.; он переиздается и сегодня.

В 1999 г. издательский совет Московской Патриархии одобрил издание нового русского перевода Псалтыри. Перевод этот поэтический, а автор его доктор биологических наук А. Лучник. Написано и музыкальное сопровождение к этому переводу, который готовит к печати издательство Сретенского монастыря.

Мы говорили, что учебный характер имеет не только Псалтырь, но и некоторые другие книги Библии. Познакомимся с одной из них. Это «Притчи Соломона» — одна из книг Ветхого завета. В славянской Библии она размещена сразу же вслед за Псалтырью, по которой, как мы уже знаем, в Древней Руси учились читать и писать. Строго говоря, «Притчи Соломона» учебником никогда не были. Но тексты из этой книги, имеющей дидактический характер, часто включали в Азбуки и Буквари. Первым это сделал Иван Фёдоров в Азбуке, выпущенной им в 1574 году во Львове.

Авторство этой книги приписывают Соломону — третьему по счёту царю Израильско-Иудейского государства, который занимал престол в 965–928 годах до Рождества Христова. Был он сыном царя Давида и Вирсавии, жены его военачальника.

Библейские сказания рисуют образ Соломона как мудрого правителя, умеющего легко находить выход из самых трудных положений. С именем этого царя связывают и сооружение знаменитого иерусалимского храма.

Притчи Соломона представляют собой поэтический религиозно-философский трактат. На славянский язык они переведены Кириллом и Мефодием или их учениками. Книга эта с давних пор была известна и на Руси, хотя древние списки её не сохранились. Первоначально Притчи бытовали здесь в толкованиях, оригинальный текст стал известен у нас позднее. На одной из фресок Софийского собора в Новгороде, которую датируют 1051–1052 гг., начертаны слова: «Премудрость созда себе храм и утвърди стълпъ семь и посла своя». Это — начальная фраза из 9-й главы Притчей Соломона. В дальнейшем свиток с этой фразой мы найдём на многих произведениях древнерусской фресковой живописи.

Толкование на 9-ю главу, очень популярную на Руси, мы найдём уже в знаменитом Изборнике Святослава 1073 года. Отсюда текст перешёл в многочисленные сборники. К XV столетию относятся уже многие, сохранившиеся до наших дней, списки Притчей Соломона как с толкованиями, так и без них. А в 1499 году эта книга вошла в состав так на-

зывается геннадиевской Библии — первого на Руси полного рукописного свода всех ветхозаветных и новозаветных книг. Рукопись эта хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Она создана кружком книжников, собранных новгородским архиепископом Геннадием (ок. 1410–1505). Человек этот, к слову говоря, был страстным пропагандистом распространения просвещения на Руси. В письме к московскому митрополиту Симону он сообщал, что «бил... челом государю великому, чтобы велел училища учинити». Необходимость в училищах Геннадий мотивировал неграмотностью кандидатов в священнослужители. «А се приведут ко мне мужика, — писал архиепископ, — и яз велю ему Апостол дати чести (т.е. читать), и он не умеет ни ступити, и яз ему велю Псалтырю дати, и он по тому едва бредет». Чтобы исправить положение, Геннадий советовал создать на Руси сеть училищ. «А мой совет о том, что учити в училище, — писал он, — первое Азбука... да Псалтыря с следованьем накрепко, а коли то изучат, может после того...чести всякыя книги».

Широкой известности и популярности Притч Соломона способствовало то, что отрывки из этой книги часто читали в церквях. Чтения (или паремии) из Притч Соломона положены в дни Воздвижения креста Господня, на Благовещение Пресвятой Богородицы и во время некоторых других праздников. Во время Великого поста (или св. Четыредесятницы) Притчи Соломона читают в церкви ежедневно (кроме субботних и воскресных дней). В течение года в храмах почти полностью зачитывают первые 24 главы, а также последнюю 31-ю главу. Встречая эти тексты в учебниках, ученики уже были знакомы с ними, ибо неоднократно слышали их.

Савянский текст Притч Соломона был впервые напечатан белорусским просветителем Франциском Скориной в Праге 6 октября 1517 г. Эта 48-листная книга редка; в настоящее время известно лишь 17 экземпляров, которые хранятся в библиотеках Киева, Лондона, Львова, Москвы, Одессы и Санкт-Петербурга. Скорининское издание открывается титульным листом с гравюрой, посвящённой популярному в живописи и графике сюжету — суду Соломона. Белорусский просветитель советует читать Притчи Соломона «всякому человеку — мудрому и безумному, богатому и убогому, младому и старому». Чтение книги позволит всем «имети добрые обычаи и познати мудрость и науку». Скорина утверждает, что в Притчах «сокрыта мудрость, ...яко злато в земли и ядро в орехе». Книга эта — «учитель всякому доброму умению».

Каждой главе книги Скорина предпослал краткие аннотации, в которых часто подчёркивается педагогическая направленность Притчей. Так, в аннотации к первой главе он пишет, что она служит «к познанию мудрости и наказания и к поразумению слов разумности, и ко приятию научения умения суду и справедливости и истины, абы дана была малому хитрость и младенцу умение и радость». Речь, следовательно, идёт о воспитании подрастающего поколения.

Изложение ведётся от первого лица и представляет собой как бы поучение отца сыну. Вторая глава книги начата таким обращением: «Сыну мой, ...да послушает мудрости ухо твоё, приклони сердце твоё к познанию разума». Обращением «сын мой» открываются и другие главы книги.

В третьей главе идёт речь о необходимости богопослушания. Но здесь же Соломон требует от читателей, чтобы они «науку любили».

В четвёртой главе Соломон «велит искать мудрости». «Путь мудрости, — говорит он читателю, — покажу тебе и поведу тебя по стезям правды».

Пятая глава книги посвящена проблемам нравственности. Отец советует сыну остерегаться женской лести, образно утверждая, что «мёд каплет из уст жены-прелюбодейки». И далее: «Острый язык её яко мечь на обе стране», т.е. обоюдоострый. Вывод же сформулирован так: «Не приближайся к дверям дому её!» Тема эта продолжена в пятой главе, в которой также идёт важный с педагогической точки зрения разговор о борьбе с ленью. Трудолюбие, говорит Соломон, нужно учиться у муравьёв, которые заблаговременно, летом, готовят себе пропитание на всю зиму. Не в этой ли фразе истоки сюжета известной

басни о стрекозе и муравье, бытующей у многих народов, а нам известной в талантливом переложении Ивана Андреевича Крылова? Последствия лениости печальны: «И доколе, ленивый, спишь, скоро ли встанешь от сна твоего? Маленько поспишь, маленько подремлешь, маленько сложишь руки твои... и придёт на тя яко посол нищета и...убожество». Но излишняя предприимчивость также нежелательна. Вот характеристика такого человека, образно называемого «человек-бегун»: «Человек-бегун есть муж непотребный, ходит с усты превращёнными, моргает очами, копочет ногою, перстом говорит, сердцем злым мыслит злая и по вся часы свары розсеваает». Наглость его несомненно будет наказана, ибо таких как он «не любит Бог».

Вопрос о нравственном воспитании подрастающего поколения продолжен и в следующих главах. В Притчах библейский текст часто приобретает житейскую привычность и повседневность. Эта особенность оригинального текста заботливо сохранена в переводе Франциска Скорины: «Лучши есть позвану быти к капусте с любовию, нежели к тучному тельцу со враждою».

В девятой главе Соломон советует не «учить», а точнее — не обличать, не критиковать глупого человека, ибо он за это возненавидит тебя. «Обличай мудрого, — говорит автор Притч, — тот возлюбит тебя... Научи праведного, и скоро примет науку твою». В следующих главах много говорится о критериях нравственного поведения, которое должно стать образом жизни молодых людей. «Сын мудрый возвеселит отца, сын же безумный есть жалость матери своей». В аннотации к 13-й главе Франциск Скорина специально подчёркивает её педагогическую направленность: «О чадах (т.е. о детях), како имаеть отец научати их». «Добрая наука даст ласку, — утверждается в этой главе, — на пути же непослушных — пропасть». И далее: «Нищета и погибель тому, кто презирает науку, кто же принимает наказание, сей похвален будет». Слово «наказание» здесь употреблено не в современном его значении, а в смысле «наказ», «наставление».

В 15-й главе затронут важный для педагогики вопрос о формах взаимодействия обучающего с обучаемым. Академик Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965), анализируя соответствующие пассажи в Азбуке 1574 г. Ивана Фёдорова, но не зная, что это дословные цитаты из Притч Соломона, писал: «Иван Фёдоров выступает перед нами провозвестником гуманной педагогики». «Отповедь мягкая, — говорится в Притчах, — преламает гнев, слово же твёрдое воздвигает ярость. Язык мудрых украшает науку, уста же безумных изливают безумие». Притчи не отрицают необходимости наказания, но лишь в том случае, если оно заслуженное. Родителям даётся такой совет: «Не отнимай от дитяти твоего казни..., иже пробиешь его дубцем, не умрёт от того. Ты его дубцем биеши, душу же его от ада избавиши». Дубец — это прут, розга. Но усердствовать в наказании детей не следует: «Кто лютует дубца, ненавидит сына своего». Тут же, как это часто бывает в Притчах, приведена образная аналогия: «Справедливый ест и насытит душу свою, брюхо же несправедливых ненасытимо есть».

Рассказ о Притчах Соломона закончим цитатой из недавно переизданного «Полного православного богословского энциклопедического словаря», где говорится, что в этой книге «прославляется мудрость, которая олицетворяется и сама выступает со вдохновенными изречениями в назидание людям». Именно эта особенность библейской книги способствовала активному использованию её в древнерусской педагогической практике.

Закончу эту статью рассказом о некоторых других сочинениях, которые в Библию не входили, но учебная и просветительная направленность которых очевидна.

За два тысячелетия христианства сформировалась достаточно чёткая литургическая практика. Система богослужения была подчинена вполне определённым традиционным канонам, которые установились не сразу, но со временем стали освящёнными веками традициями. Порядок и последовательность совершения богослужения, действия священнослужителей во время церковной службы, тексты, которые они произносили, — всё это было нормировано и подчинено определённым правилам.

Всему этому церковнослужителей, да и мирян нужно было учить. В XIX столетии для

этой цели в России существовала достаточно хорошо разработанная система учебных пособий. Наиболее широкое распространение получили учебники доктора богословия Константина Тимофеевича Никольского (1825–1911) и среди них многократно переиздававшееся компетентно, но вполне популярно написанное «Пособие к изучению устава богослужения православной церкви».

Но учебные тексты в отечественном и зарубежном православии, конечно, существовали задолго до этого. Закономерность рассмотрения их в истории русского учебника сомнений не вызывает, хотя это до сих пор и не делалось.

Наставления для священнослужителей содержатся и в некоторых богослужебных книгах, например, в Служебнике, содержащем тексты главнейшего из христианских богослужений — литургии. Книгу эту обычно открывает «Устав Божественной службы» — своеобразная инструкция, имеющая учебный характер. Здесь подробно расписаны действия, которые надлежит исполнять священнослужителям.

К учебным текстам можно отнести и Пасхалию — руководство, содержащее элементы математического и астрономического знания. Пособие это призвано помочь определить день празднования Пасхи, главного христианского праздника, установленного в память чудесного воскресения Иисуса Христа. Слово «пасха» происходит от древнееврейского «песах»; так именуется один из трёх главных иудейских праздников, во время которого отмечается избавление евреев от египетского пленения. Христиане же возводят слово «пасха» к греческому «пасхеин», что переводится как «страдать». Речь идёт о крестных муках Христа, предшествовавших его воскресению.

Какое-то время еврейская и христианская Пасхи отмечались одновременно. Но впоследствии даты этих праздников были разнесены, хотя временная связь между ними осталась. Сделано это было в соответствии с решением Первого Никейского вселенского собора, состоявшегося в 325 г. Собор определил, что христианская Пасха должна отмечаться не одновременно с еврейской, а позднее и приходится не на пятницу, как ранее, а на воскресенье — первое, после весеннего полнолуния. День праздника, таким образом, связан не с солнечным календарём, а с лунным, и поэтому каждый год приходится на новую дату.

Дата эта лежит в границах так называемого пасхального предела — с 22 марта по 25 апреля.

В настоящее время число, на которое приходится Пасха, определяется по формуле, разработанной знаменитым немецким учёным, почётным членом Петербургской академии наук Карлом Фридрихом Гауссом (1777–1855). Доказана формула им не была. Сделал это позднее, уже в 1870 г., профессор Базельского университета Герман Кинкелин.

Фрагмент древнейшей славянской Пасхалии сохранился в составе так называемого синаяского Служебника. Фрагмент, содержащий всего два листа, был найден известным археографом и церковным историком епископом Порфирием, а в миру Константином Александровичем Успенским в монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове и в 1853 г. привезён им в Россию. В настоящее время фрагмент, написанный древнейшим славянским письмом — глаголицей, находится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

В славянской книжной традиции было принято помещать Пасхалии в виде таблиц (они назывались «зрячими») в богослужебной книге Псалтыри с воследованием. По сравнению с простой учебной Псалтырью, о которой я уже говорил, в Псалтыри с воследованием помещают множество различных дополнительных текстов. Среди них Часослов, Месяцеслов (Святцы), различные песнопения и молитвы. Это литургический сборник почти энциклопедического состава. Появился он сравнительно поздно и, скорее всего, на славянской почве. Древнейшие сохранившиеся до наших дней Псалтыри с воследованием датируются концом XIV столетия. Это пергаменная рукопись, хранящаяся в Ярославском государственном музее.

Наш краткий рассказ о древнейших славянских учебных пособиях завершён. Но он,

конечно, может быть продолжен...

Москва